

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 174–183

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 174–183
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183>

EDN: GCZZNT

Научная статья
УДК 346.7

Право, информационное общество, цифровой суверенитет

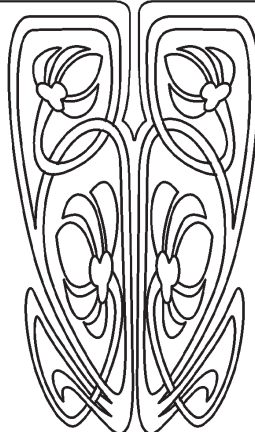
О. В. Романовская

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Романовская Ольга Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Государственно-правовые дисциплины», rgu-gpd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4563-1725>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Введение. Стремительное развитие цифровых технологий привело к значительным изменениям в различных сферах общественной жизни. Видовая классификация современного мира исходит из того, что наступает эра информационного общества. Определение его признаков произошло в Окинавской хартии Глобального информационного общества. **Эмпирический анализ.** Представлен обзор стратегий инновационного технологического развития, принятых в Российской Федерации под влиянием развития цифровых технологий. Показана актуальность формирования концепции цифрового суверенитета. Проведено сравнительно-правовое исследование, в результате которого указано, что цифровой суверенитет первоначально был представлен в правовых системах стран Евросоюза. Обозначены зарубежные подходы к формированию нового правопорядка, обусловленному развитием цифровизации. Выделены особенности германской концепции «Индустрия 4.0», японской – «Общество 5.0», китайской – «Сделано в Китае 2025». **Теоретический анализ.** Основным трендом цифровизации выступает децентрализация, влияющая не только на экономику стран, но и на систему государственного управления. Выделены ее общие последствия: появление конкуренции между государствами (что приводит к экспансии аксиологии, а не только технологий); смена концепции государственного управления в условиях роста горизонтальных связей (появление концепции «государство как платформа»); приоритет данных (в электронном виде) как условия экономического, политического и социального развития государства. **Результаты.** Ускорение технологического процесса оказывает влияние на общественно-политическую сферу. Право не успевает реагировать на изменения, сформировавшаяся действительность сама уже диктует те правила, которые сформированы вне политических инструментов. Это также приводит к трансформации традиционных государственных институтов, что заставляет переосмыслить само понимание современного государства.

Ключевые слова: информационное общество, Индустрия 4.0, Общество 5.0, цифровизация, цифровой суверенитет, кибербезопасность

Для цитирования: Романовская О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 174–183. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183>, EDN: GCZZNT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Law, information society, digital sovereignty

O. V. Romanovskaya

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Olga V. Romanovskaya, pgu-gpd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4563-1725>

Abstract. Introduction. The rapid development of digital technologies has led to significant changes in various spheres of public life. The species classification of the modern world is based on the fact that the era of the information society is coming. Its characteristics were defined in the Okinawa Charter of the Global Information Society. **Empirical analysis.** The author presents an overview of the strategies for innovative technological development adopted in the Russian Federation under the influence of the development of digital technologies. The relevance of the formation of the concept of digital sovereignty is shown. The researcher conducted a comparative legal study which indicated that digital sovereignty was originally presented in the legal systems of the European Union countries. Foreign approaches to the formation of a new legal order, conditioned by the development of digitalization, are outlined. The article highlights the features of the German concept "Industry 4.0", the Japanese concept "Society 5.0", and the Chinese concept "Made in China 2025". **Theoretical analysis.** The main trend of digitalization is decentralization, which affects not only the economies of countries, but also the public administration system. Its general consequences are highlighted: the emergence of competition between states (which leads to the expansion of axiology, and not just technology); a change in the concept of public administration in the context of growing horizontal connections (the emergence of the concept of "the state as a platform"); priority of data (in electronic form) as a condition for the economic, political and social development of the state. **Results.** The acceleration of the technological process has an impact on the socio-political sphere. The law does not have time to react to changes; the formed reality itself dictates those rules that are formed outside of political instruments. This also leads to the transformation of traditional state institutions, which forces us to rethink the very understanding of the modern state.

Keywords: information society, Industry 4.0, Society 5.0, digitalization, digital sovereignty, cybersecurity

For citation: Romanovskaya O. V. Law, information society, digital sovereignty. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 174–183 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183>, EDN: GCZZNT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Цифровые технологии оказывают значимое влияние практически на все стороны общественной жизни. Межличностное взаимодействие все больше переходит в онлайн-пространство, что затрагивает не просто правила коммуникаций, а базовые начала построения всевозможных социальных связей. В каждом государстве наиболее актуальными темами становятся цифровая экономика, влияние социальных сетей на политические процессы, вытеснение цифровыми помощниками человека из значительного числа профессий, создание цифровой личности после его биологической смерти и многое другое. В этих условиях право и государство не должны оставаться сторонними наблюдателями и лишь реагировать на уже сложившуюся ситуацию. К тому же и право, и государство заметно трансформируются под влиянием технологического прогресса (и не все аспекты изменений вызывают положительную оценку). Во многих научных произведениях строятся футурологические прогнозы. Представляется периодизация проходящих реформ. На слуху такие термины (отражающие стадии развития), как индустриальное общество, постиндустриальное, где на смену им приходит информационное общество. Это воплощается в ряде стратегических документов, в которых осуществляется предварительная оцен-

ка картины мира, выделяются риски и угрозы, определяется вектор развития, формируются поручения по принятию необходимых решений (законов, подзаконных актов, программ действий).

Определенный толчок такому развитию дала Окинавская хартия Глобального информационного общества, принятая главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г. [1], в которой уже тогда указывалось на революционное воздействие информационно-коммуникационных технологий (хотя многие из них, преобразившие формат общения, на тот момент были еще неизвестны). В Хартии закреплялся призыв к развитию ИКТ, к обеспечению права каждого на доступ к результатам прогресса, к минимизации барьеров для построения глобальной экономики на новых принципах, к углублению основ демократии. Обратим внимание с высоты времени (Хартия была принята более 20 лет назад и в иных геополитических условиях), что сейчас в России появились негативные оценки данного документа, склоняющие в сторону опыта Китайской Народной Республики, где во главу угла ставятся кибербезопасность и обеспечение национальных интересов в условиях продвижения идеи цифрового суверенитета [2, с. 7]. В свою очередь, цифровой суверенитет невозможен без технологического, определяющего саму возможность реализовывать государству свое верховенство.

В Российской Федерации Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [3]. Стратегия является тем ключевым документом, который создает баланс между глобальным распространением цифровых технологий, которые все больше разрывают искусственные барьеры и государственные границы, и необходимостью правовой жизни публичной власти, общества, граждан России, следуя приоритетам формирования отечественной технологической основы для развития политических и общественных институтов, цифровой экономики, защиты личности от различных киберугроз.

Понятие информационного общества представлено в Стратегии, где ключевой элемент связан с уровнем влияния (для его характеристики используется термин «кардинальное») информации (и технологий, определяющих параметры ее обработки, передачи, хранения, распространения) «на экономические и социокультурные условия жизни граждан». Уравновешивающим элементом, который используется в мировой практике, выступает цифровой суверенитет. Именно эти понятия выступают определенными маяками для правового регулирования современных ИКТ.

Эмпирический анализ

В упомянутой выше Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы обозначены основные направления развития российских информационных и коммуникационных технологий. Среди них (приведем только некоторые): создание сетей связи нового поколения; обработка больших объемов данных; искусственный интеллект; интернет вещей; робототехника и биотехнологии; облачные и туманные вычисления; электронная аутентификация. Для каждой из них сформированы векторы направления, обозначенные в ряде программных документов. Так, Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [4]. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 оформлен Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [5]. В рамках заявленных концепций формулируются новые категории, которые пока отсутствуют в федеральных законах. Например,

в научный оборот все прочнее входит понятие цифрового суверенитета, которое в определенной мере отождествляется с технологическим суверенитетом. Его определение представлено в Концепции технологического развития на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р [6]. Под ним понимается «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы». Развернутое определение исходит из наличия двух составляющих: научного (опирающегося на национальные исследования) и собственно технологического (создание необходимого «железа», если пользоваться компьютерным сленгом). Обращает на себя внимание то, что даже на этом этапе (введения общих категорий, не облеченных в форму закона) есть разночтения. Постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. № 2478 утверждены Правила управления реализацией мероприятий программ и проектов Национальной технологической инициативы, результаты которых направлены на решение задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, в которых можно найти иное понимание – «устойчивая возможность Российской Федерации реализовывать государственные цели и задачи в сферах социально-экономического развития, безопасности и иных сферах на основе разработки, внедрения и использования технологий и стимулирования технологических инноваций в соответствующих направлениях деятельности государства» [7]. Нетрудно увидеть, что «наличие технологий» и «устойчивая возможность» несут в себе различную смысловую нагрузку. Попыткой внести коррективы в существующие разночтения следует признать разработку проекта Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подготовленного Минэкономразвития России (ID проекта 02/04/09-23/00142135, в настоящее время официально не внесен в парламент страны). В первых абзацах проекта обозначена его цель – обеспечение технологического суверенитета, которое отчасти согласуется с определением, представленным в Концепции технологического развития до 2030 года, но с упором на вид суверенитета

Российской Федерации. Сформулировано также уточнение, что он должен создавать «условия для обеспечения технологического паритета с иностранными государствами» [8].

Следует обратить внимание на создание институциональной основы обеспечения технологического суверенитета, выразившееся в образовании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (Положение о ней утверждено Указом Президента РФ от 14 апреля 2022 г. № 203 [9]). Одновременно, как отмечает В. К. Андреев, это задает тренд на усиление роли государства в обеспечении технологического суверенитета [10, с. 39]. В настоящее время меняется подход к правовому регулированию деятельности промышленности в пользу обеспечения технологического суверенитета страны, усиления роли государства и публично-правовых институтов по поддержке внедрения сквозных и критических технологий.

Аналогичные инициативы можно наблюдать за рубежом. Во Франции (в соответствии с Законом от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 о цифровой республике [11]) создана Комиссия по цифровому суверенитету, миссия которой заключается в «способствовании осуществлению национального суверенитета в киберпространстве, а также индивидуальных и коллективных прав и свобод, которые защищает Республика». Ею вырабатываются рекомендации, которые впоследствии воплощаются в решениях тех или иных органов государственного управления (основным из которых выступает Французское агентство кибербезопасности – ANSSI).

Федеративная Республика Германия разработала единую концепцию «Индустрия 4.0», которая в силу универсального характера поддержана многими странами европейского континента (с адаптацией к собственным национальным особенностям) [12]. Выражена она в программном документе «Hightech-Strategie 2025» [13], особенность которого заключается в комплексном характере: адаптация общества, государства, промышленности к цифровизации должна проходить через изменения во всех сферах жизни. Исходя из этого, определены ключевые направления: Экономика и работа 4.0; Город и сельская местность; Здоровье и уход; Мобильность; Безопасность. Уже в рамках принятия конкретных программ выстраивается целеполагание на преобразования общественных процессов, которые должны происходить

под влиянием цифровизации. Подобный подход стыкуется с закреплением целей устойчивого развития (на сайте ООН их обозначено 17 [14]), что отражается в плане действий «Естественный. Цифровой. Устойчивый» [15], где подчеркивается необходимость вклада Германии в реализацию программы ООН.

Стратегия будущего, исследований и инноваций [16], разработанная в 2022 г., рассматривает повышение конкурентоспособности Германии через создание приоритетных условий для инновационного развития. Здесь важны три элемента: обеспечение быстрого перехода от исследования к применению; открытость технологиям во всех сферах жизни; стремление к технологическому лидерству.

Следует отметить также принятие Федеральным правительством Цифровой стратегии Германии [17], отражающей его политические приоритеты в условиях технологической трансформации. Стратегия разделена на три ключевых поля действий – «Сетевое и суверенное цифровое общество», «Инновационная экономика, мир труда, науки и исследований» и «Обучение, цифровое государство». Обращает на себя внимание то, что в Стратегии представлены отправные точки: цифровые технологии должны служить человеку; следование демократическим ценностям; кибербезопасность личности, общества, государства. Как в этом, так и в других программных документах сделан акцент на цифровом суверенитете Германии.

Еще одним показательным примером построения нового общества и государства в условиях цифровизации выступает концепция «Общество 5.0», разработанная Правительством Японии. Показательно, что в Базовом плане по науке и технологиям на 2016–2021 гг. [18] (принимается на пять лет) был представлен качественный переход от модели «Индустрия 4.0» к инновационной идее – «Общество 5.0». До этого предполагалось развитие «Общества 4.0» – информационного общества. Принятие Базового плана по науке и технологиям предусмотрено Основным законом № 130 1995 года по науке и технологиям [19] сроком на пять лет (ст. 9). В документе предусматривается создание «суперсмарт общества», что можно перевести как «сверхумное общество». Это не следует воспринимать как иронию или использование оригинального эвфемизма. В научной литературе (как в России [20], так и за рубежом [21]) прочно вошло в оборот выражение «умное регулирование» (smart regulation), которое предполагает сочетание различных факторов: оценка самой необходимости регулирования;

экономика управленческих ресурсов; достижение максимально эффективного результата; отход от императивных методов, использование инновационных управленческих технологий и др. Для реализации заявленных целей Правительство Японии взяло обязательство по созданию «сервисной платформы суперумного общества», которая позволит координировать многочисленные системы ИКТ, интернета вещей, больших данных.

В настоящее время действует Базовый план науки и технологий на 2022–2026 гг.) [22]. В нем было представлено понятие «Общество 5.0», в котором человекоориентированность (благодаря которой достигается баланс экономического прогресса и решения социальных проблем) тесно связана с интеграцией физического пространства и виртуального пространства. Интересна ремарка в сторону Целей устойчивого развития (Япония им «симпатизирует»), которые должны быть объединены с уникальными ценностями Японии. «Общество 5.0» еще обозначено как «общество за пределами негативного наследия XX века». Подобное видение связано с серьезными изменениями Основного закона по науке и технологиям в 2020 году [23], благодаря которым изменились и название (стал Основным законом по науке, технологиям и инновациям), и содержание. Принципиальным моментом стало включение гуманитарных наук в систему формирования ценностей, которые должны определять технологическое развитие. Было признано, что индустриальный прогресс без определения аксиологии создает дополнительные риски и угрозы. Предотвращение негативных последствий достигается с помощью идеи «конвергенции знаний», когда гуманитарные науки формируют ценности, исходя из которых, строятся приоритеты технического развития. Одновременно в Базовом плане отмечается, что к конкуренции государств (благодаря которой произошел отказ от традиционного понимания мирового лидерства) добавляется новое явление – глобальное влияние IT-платформ – GAFA – Google, Amazon, Facebook, Apple. Эти компании создают бизнес-модели и услуги, свободные от традиционных бизнес-практик и правил, при этом ведут международную экономическую деятельность, которая приносит огромные прибыли. Появляются проблемы «вредные для индивидуального счастья»: ограничение свободной конкуренции, появление уязвимых к информации людей («оставшихся позади в информационную эпоху»), неравномерное распределение богатства, усугубляющееся неравенство, социальные разногласия.

Китайская Народная Республика длительное время находилась в реформационном процессе. В течение двух десятилетий (1990-е гг. – начало 2000-х) выстраивался индустриальный гигант, который, по мнению руководства страны, должен превратиться в мировую производственную державу. В 2015 г. была принята Стратегия «Сделано в Китае 2025» [24], однако ее временные рамки нацелены на 2049 г. Показательно, что Китай не прячет проблемы своего развития, указывая на исчерпание эксплуатационного ресурса дешевой рабочей силы. Это оставляет государство на низовой стадии промышленной цепочки, когда основные технологии, добавляющие максимальную стоимость к товару, концентрируются в странах Евросоюза и США [25, с. 609]. К тому же представлен значительный переход к региональному планированию промышленного роста. С учетом принципов экономической географии в Стратегии обосновывается отход от местечкового подхода «лучше мало, но полно», когда вся технологическая цепочка замкнута на одну административную единицу [26, р. 11]. В результате – в отсутствие кооперации – происходит дублирование управленческих, производственных, распределительных институций. Обратим внимание, что Стратегия предполагает свой «экспорт»: в ней прямо закрепляется возможность использования ее как шаблона для иных развивающихся стран (в частности, упоминаются Индия и Бразилия). В документе определена руководящая идеология, включающая в себя следующие блоки: Инновации; Качество на первом месте; «Зеленая» экономика; Структурная оптимизация; Ориентация на таланты.

Китай многими рассматривается как альтернативный вариант построения информационного общества (этот фактор отмечался выше). Здесь следует сделать несколько замечаний. Во-первых, Китай, хотя и объявлен страной, выдвинувшей концепт цифрового суверенитета, не является его открывателем. Первично он принадлежит странам Евросоюза, что, кстати, поддерживается в китайской научной литературе [27]. Причины приоритета цифрового суверенитета в Европе связаны с построением независимой технологической цифровой платформы. Иной вопрос – в Китае и в Европе разные подходы к содержанию цифрового суверенитета (об этом чуть ниже). Во-вторых, цифровой суверенитет не означает «железный занавес» в онлайн-пространстве. Китай очень четко выступает с позиции глобализма, благодаря которому развивается вся его экономика последние 35 лет. Более того, экспансия – тренд Стратегии «Сделано в Китае 2025»,

а она невозможна без открытости и доступности. Современная экономика не допускает одностороннего движения. Другое – скорости по разным линиям могут быть разными. В-третьих, Китайская Народная Республика отстаивает принцип кибербезопасности (это не отвергается ни одним участником мировой экономики). В этом направлении выстраивается жесткая система ограничений для производителей технологического оборудования («железа»), провайдеров, операторов ИКТ, а также для самих пользователей [28, с. 61].

Теоретический анализ

Цифровые технологии обеспечивают стремительный прогресс. Ускорение обработки информации создает условия для быстрого перехода от одного уклада экономики к другому. Прошедшие ранее индустриальные революции были растянуты во времени, что позволяло адаптировать к обновляющимся условиям правовые институты, государство, а также сознание человека. Можно было наблюдать примеры взаимодействия права, государства, экономики под влиянием научных открытий. В некоторых случаях государство тормозило появление и внедрение новых технологий. Иногда это имело положительный эффект, когда архаичное общество в замедленных условиях технологической эволюции приспособляло свои традиционные институты (государство тем самым избегало масштабных потрясений). Затягивание реформ позволяло плавно подстроить под меняющуюся действительность административный аппарат, правовую систему, общественные и индивидуальные стереотипы. Присутствовала и иная последовательность – государство инициировало масштабные реформы, ломая собственную бюрократическую систему, создавая право «с нуля». Так, отчасти «революцией сверху» можно охарактеризовать административную реформу, обозначенную в 2000-х гг. в Российской Федерации. Происходила ломка социалистической модели управления и советского права. Процесс не завершен, о чем косвенно свидетельствует провозглашение в 2019 г. «регуляторной гильотины», получившей свое нормативное закрепление в ст. 15 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [29]. Сам термин, «столь необычный для российского канцелярита», как отмечается в юридической литературе, «должен подчеркнуть экстраординарность, бескомпромиссность и решительность действий государства при ускоренном переходе на новое регулирование» [30, с. 6].

Ускорение наблюдается даже в государственных стратегиях, посвященных инновациям. Если континентальная модель отталкивается от концепции «Индустрия 4.0», замкнутой на понятие информационного общества, преобразуемого с помощью цифровых технологий, то Япония представляет амбициозный план построения «Общества 5.0». Обновленная идея исходит из обязательности конвергенции знаний: технических и гуманитарных. Без следования ценностям прогресс утрачивает свое значение. Действительно, зачем «новый дивный мир», в котором не будет места человеку? Необходима интеграция: виртуального и реального; гуманитарного, технического и естественнонаучного; общественного и личного; экономического и социального. Это обуславливает и поиск новых подходов в системе государственного управления. Отметим, что каждый мировой игрок, представляя стратегию развития, предлагает собственное понимание общества будущего, подразумевая, что оно будет служить ориентиром и для других стран. В каждой стратегии можно наблюдать набор ценностей, что означает мировоззренческую конкуренцию. Государства отстаивают свое «место под солнцем», не просто продвигая технологии и бизнес, осуществляя финансовую экспансию, а борясь за умы, нацеливаясь в первую очередь на молодежь. Таким образом, в программных документах, посвященных индустрии, необходимо отражение аксиологии, которая и будет выстраивать приоритеты научного прогресса.

Неминуемая децентрализация (как следствие цифровизации) имеет глобальные последствия. Во-первых, конкуренция переходит на новый уровень, вовлекая в нее государства. Сейчас протекционизм меняется на соревнование юрисдикций, благодаря чему вырабатываются различные концепты – «хорошее управление», «устойчивое развитие», «сервисное государство 2.0» и др. В условиях, когда децентрализация все больше затрагивает и промышленную индустрию, создание «заводов-гигантов» перестает быть флагманом национального развития. Появление аддитивных технологий, когда изготовление сложных деталей не требует масштабных затрат, расширит возможности малых субъектов, когда центральное значение приобретут агрегаторы, а не производители. Яркий пример: по состоянию на январь 2024 г. рыночная капитализация Uber (компания, которая предоставляет услуги такси, не имея в собственности автомобилей) составляет 118,49 млрд долл. [31]. По состоянию на январь 2024 г. рыночная капитализация ПАО «Газпром» составляет 43,64 млрд долл. [32].

Во-вторых, приоритет горизонтальных связей меняет сущность государственного управления. На первое место выдвигаются такие идеи, как «государство как платформа», «государство – архитектор выбора». Продвигается идея умного регулирования, которая приводит к институциональным реформам бюрократического аппарата, а также требует новых компетенций у лиц, претендующих на занятие должностей в системе административного менеджмента. Видение чиновника как «человека в футляре» с уклоном на внешние атрибуты – глубокая архаика. Различные модели сетевого управления не просто доказали свою эффективность, они отражают сущность современных коммуникаций. В этом контексте такие формы децентрализации, как сорегулирование, саморегулирование, квазирегулирование, все больше внедряются в практику современных государств.

В-третьих, выстраивается приоритет данных (в электронном виде) как условия экономического, политического и социального развития государства. В приведенном аспекте показателен вывод: «Сейчас между нашими данными и данными, которые формально относятся к государству, по ряду причин нужны посредники, и эту функцию выполняют госорганы. Вроде бы государство предоставляет гражданам услуги, но, по сути, госорганы сами же их придумали и назвали услугами, а в реальности за ними скрывается обязанность граждан выполнять за госорганы их работу по передаче данных. В результате выстраиваются аналоговые отношения посредников между гражданами и данными. Сейчас это посредничество реализуют государственные органы, причем часть груза ложится на плечи граждан. Внедрение государства как платформы полностью убирает эту функцию, снимая ее с госорганов и избавляя граждан от этих проблем» [33, с. 3]. Во многих аналитических документах именно данные рассматриваются как «кровь» экономики. Больше данных – больше возможностей. Это относится и к иным аспектам социальной жизни (благодаря возможности интеллектуальной обработки в автоматическом режиме). Во многих странах пересматриваются правила оборота данных, что коррелируется с цифровым суверенитетом, в центре которого – локализация данных и «приземление» основных технологических гигантов (создание филиалов и представительств внутри страны для построения взаимодействия с органами публичной власти). В Китае принят Закон от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных» [34], который напрямую связывает порядок оборота данных с

интересами национальной безопасности. В Индии принят Закон от 11 августа 2023 г. № 22 «О защите цифровых персональных данных» [35]. В Великобритании в палате общин уже принят законопроект о защите данных и цифровой информации [36]. Прохождение в палате лордов запланировано на первое полугодие 2024 года. В российское законодательство в области информации и информационных технологий постоянно вносятся изменения и дополнения, однако режим данных, больших данных, открытых данных не урегулирован, исходя из тех веяний времени, которые формируются в условиях технологического скачка [37].

Результаты

1. Формирование информационного общества обнажило серьезные проблемы, которые вызваны трансформацией значительного числа социальных отношений (возникающих в разнообразных сферах). Такой глобальный процесс преобразования происходит впервые в истории человечества. Помимо масштабности он имеет еще отличительные особенности: технологические правила приобретают приоритет по отношению к юридическим; формирование «новой реальности» – параллельного цифрового мира (все больше требующего «своей» правовой системы); скачкообразность переходных периодов; метаморфозы биологической сущности человека (благодаря взаимодействия цифровизации и биомедицины). В этих условиях право не успевает реагировать на изменения, сформировавшаяся действительность уже сама диктует те правила, которые сформированы вне политических инструментов.

2. Государство как форма организации социальной жизни претерпевает серьезные изменения. Во-первых, государство включается в конкурентную борьбу по различным направлениям: конкуренция юрисдикций; конкуренция за право управления обществом; конкуренция за контроль над реальностью и виртуальностью. Во-вторых, создание горизонтальных связей приводит к масштабной децентрализации, когда система управления строится на совершенно иных принципах (лишенных многих устоявшихся бюрократических начал). В-третьих, сетевые модели управления, все больше проникая в мировое сообщество, создают новую альтернативу государственному управлению. В этом случае технологический гигант, владеющий рядом передовых технологий (включая искусственный интеллект), может постепенно перехватить связи,

определяющие взаимодействие внутри общества. В-четвертых, сам принцип функционирования ИКТ нацелен на минимизацию признаков государства: суверенитет, территория, органы публичной власти, фискальная система и др. Происходит последовательное размывание классических признаков государства (их фронтолиз).

3. Концепция цифрового суверенитета – ответная реакция государства (как модели организации социума) на те угрозы, которые оно ощущает благодаря отчасти неконтролируемому развитию ИКТ. Государство находится перед дилеммой. С одной стороны, прогресс несет в себе невиданные позитивные преобразования, позволяющие избавиться от многих исторических «болезней» человечества: бедности, ксенофобии, мракобесия, малограмотности и др. С другой стороны, побочным эффектом может стать если не уход государства с исторической сцены, то заметное снижение его роли как регулятора, охранителя, карателя. Попытками «нащупать» баланс в системе возникающих рисков и выступают отдельные законодательные акты, отстаивающие наличие верховенства власти (суверенитета) в киберпространстве.

4. Всеобщая цифровизация уже сейчас обнажила системные пробелы в праве относительно функционирования больших данных, открытых данных (информации с открытым кодом), искусственного интеллекта, электронной идентификации, цифрового аватара личности, «цифровой вечности», антропоидных роботизированных систем, облачных и туманных вычислений. К сожалению, во многих странах отсутствует понимание необходимости правового регулирования некоторых аспектов кибермира, что может привести к диктату «цифры». К тому же тотальный перевод в цифровой код опосредованно снижает ценность человеческой жизни.

Список литературы

- Окинавская хартия // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 11.01.2024).
- Бочков С. И., Макаренко Г. И., Федичев А. В. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникации // Правовая информатика. 2018. № 1. С. 4–14. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2018-1-04-14>
- Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.
- Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.
- Экономическое право : учебник / под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021. 352 с.
- Концепция технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 22, ст. 3964.
- Правила управления реализацией мероприятий программ и проектов Национальной технологической инициативы, результаты которых направлены на решение задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28.12.2022 № 2478 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. II), ст. 286.
- О технологической политике в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федер. закона. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
- Указ Президента РФ от 14.04.2022 № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 16, ст. 2650.
- Андреев В. К. Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. 2023. № 9. С. 35–40. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-35-40>
- Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 11.01.2024).
- Industrie 4.0. URL: <https://www.bmbf.de/bmbf/de/forschung/digitale-wirtschaft-und-gesellschaft/industrie-4-0/industrie-4-0> (дата обращения: 11.01.2024).
- Hightech-Strategie 2025. URL: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Publikationen/de/bmbf/5/30916_Industrie_4_0.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (дата обращения: 11.01.2024).
- Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 11.01.2024).
- Naturally.Digital.Sustainable. URL: https://www.bmbf.de/bmbf/de/forschung/umwelt-und-klima/digitalisierung-und-nachhaltigkeit/digitalisierung-und-nachhaltigkeit_node.html (дата обращения: 11.01.2024).
- Zukunftsstrategie Forschung und Innovation. URL: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Publikationen/de/bmbf/1/730650_Zukunftsstrategie_Forschung_und_Innovation.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 11.01.2024).
- Digitalstrategie der Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/digitalisierung/digitalstrategie-2072884> (дата обращения: 11.01.2024).
- Japan's 5th Science and Technology Basic Plan (2016–2020). URL: <https://www.tillvaxtanalys.se/download/18.62dd45451715a00666f169a1/1586366153339/Japans%20fem%C3%A5rsplan.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).
- The Science and Technology Basic Law. URL: https://www.mext.go.jp/component/english/_icsFiles/afieldfile/2011/02/22/1302491_011.pdf (дата обращения: 11.01.2024).

20. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>, EDN: YNERPX
21. Gunningham N., Sinclair D. 8 Smart regulation // Regulatory Theory: Foundations and Applications, ANU Press. 2017. P. 133–148. <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>
22. Science, Technology, and Innovation Basic Plan, March 26, 2021, Government of Japan. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf (дата обращения: 11.01.2024).
23. 科学技術・イノベーション基本法. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=407AC1000000130_20210401_502AC0000000063 (дата обращения: 11.01.2024).
24. 中国制造 2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 11.01.2024).
25. Xia J. A Review to the Development of Foreign Capital Manufacturing Industry in China: Looking forward to Made in China, 2025 // American Journal of Industrial and Business Management. 2017. Vol. 7, № 5. P. 604–613. <https://doi.org/10.4236/ajibm.2017.75045>
26. Ma H., Wu X., Yan L., Huang H., Wub H., Xiong J., Zhang J. Strategic Plan of «Made in China 2025» and Its Implementations (with) // Analysing the Impacts of Industry 4.0 in Modern Business Environments. 2018. P. 1–23. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001>
27. 余明锋. 数字全球化与数字主权——以德国和欧盟为视角 // 国外社会科学. 2021年第5期. URL: <http://drc.hznet.com.cn/DRCNet.Mirror.Documents.Web/DocSummary.aspx?docid=6315301&leafid=3027> (дата обращения: 11.01.2024).
28. Романовский В. Г., Абубекерова Д. А. Права человека, кибербезопасность, борьба с терроризмом (опыт Китая) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 3. С. 57–67. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-3-6>
29. Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5006.
30. Кнутов А. В., Плаксин С. М., Синятуллин Р. Х., Чанлинский А. В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 2. С. 4–27. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.4.27>
31. Market capitalization of Uber (UBER). URL: <https://companiesmarketcap.com/uber/marketcap/> (дата обращения: 11.01.2024).
32. Market capitalization of Gazprom (GAZP.ME). URL: <https://companiesmarketcap.com/gazprom/marketcap/> (дата обращения: 11.01.2024).
33. Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2019. 111 с.
34. 数据安全法. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f99a788a.shtml> (дата обращения: 11.01.2024).
35. The Digital Personal Data Protection Act. URL: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Digital_Personal_Data_Protection_Act_2023.pdf (дата обращения: 11.01.2024).
36. Data Protection and Digital Information Bill. URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3430> (дата обращения: 11.01.2024).
37. Аверьянова Н. Н., Велюева Д. С., Капитонова Е. А., Левакин И. В., Пресняков М. В., Романовская О. В., Романовский В. Г., Романовский Г. Б., Сухов Э. В. Права человека и безопасность в современном мире: гибридные угрозы и новые вызовы. М. : Проспект, 2021. 152 с. EDN: QPDDNB

References

- Okinawa Charter. *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed January 11, 2024) (in Russian).
- Bochkov S. I., Makarenko G. I., Fedichev A. V. On the Okinawa Charter of Global Information Society and the goals of development of Russian communication systems. *Legal Informatics*, 2018, no. 1, pp. 4–14 (in Russian). <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2018-1-04-14>
- Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030. Decree of the President of the Russian Federation no. 203 of September 5, 2017. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 20, art. 2901 (in Russian).
- National strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030: Decree of the President of the Russian Federation no. 490 of October 10, 2019. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2019, no. 41, art. 5700 (in Russian).
- Ekonomicheskoe pravo* [Bondar N. S. (ed.) Economic law]. Moscow, Prospekt, 2021. 352 p. (in Russian).
- Concept of technological development for the period until 2030. Order of the Government of the Russian Federation no. 1315-r of May 20, 2023. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2023, no. 22, art. 3964 (in Russian).
- Rules for managing the implementation of programs and projects of the National Technology Initiative, the results of which are aimed at solving the problems of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation no. 2478 of December 28, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2023, no. 1 (pt. II), art. 286 (in Russian).
- On technology policy in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Draft Federal Law. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation no. 203 of April 14, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 16, art. 2650 (in Russian).
- Andreev V. K. Organizational and legal forms of integration of high technologies into industrial production. *Iurist* [Lawyer], 2023, no. 9, pp. 35–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-35-40>

11. *Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique*. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (accessed January 11, 2024).
12. *Industrie 4.0*. Available at: <https://www.bmbf.de/bmbf/de/forschung/digitale-wirtschaft-und-gesellschaft/industrie-4-0/industrie-4-0> (accessed January 11, 2024).
13. *Hightech-Strategie 2025*. Available at: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Publikationen/de/bmbf/5/30916_Industrie_4_0.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (accessed January 11, 2024).
14. *Sustainable Development Goals*. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed January 11, 2024).
15. *Naturally.Digital.Sustainable*. Available at: https://www.bmbf.de/bmbf/de/forschung/umwelt-und-klima/digitalisierung-und-nachhaltigkeit/digitalisierung-und-nachhaltigkeit_node.html (accessed January 11, 2024).
16. *Zukunftsstrategie Forschung und Innovation*. Available at: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Publikationen/de/bmbf/1/730650_Zukunftsstrategie_Forschung_und_Innovation.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (accessed January 11, 2024).
17. *Digitalstrategie der Bundesregierung*. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/digitalisierung/digitalstrategie-2072884> (accessed January 11, 2024).
18. *Japan's 5th Science and Technology Basic Plan (2016–2020)*. Available at: <https://www.tillvaxtanalys.se/download/18.62dd45451715a00666f169a1/1586366153339/Japans%20fem%C3%A5rsplan.pdf> (accessed January 11, 2024).
19. *The Science and Technology Basic Law*. Available at: https://www.mext.go.jp/component/english/_icsFiles/afieldfile/2011/02/22/1302491_011.pdf (accessed January 11, 2024).
20. Davydova M. L. Smart regulation as the basis for improving modern law-making. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 14–29 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>, EDN: YNERPX
21. Gunningham N., Sinclair D. 8 Smart regulation. *Regulatory Theory: Foundations and Applications*, ANU Press, 2017, pp. 133–148. <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>
22. *Science, Technology, and Innovation Basic Plan, March 26, 2021, Government of Japan*. Available at: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf (accessed January 11, 2024).
23. *Science and Technology. Essentials Basic Law*. Available at: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=407AC1000000130_20210401_502AC0000000063 (accessed January 11, 2024) (in Chinese).
24. *Made in China 2025*. Available at: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (accessed January 11, 2024) (in Chinese).
25. Xia J. A Review to the Development of Foreign Capital Manufacturing Industry in China: Looking forward to Made in China, 2025. *American Journal of Industrial and Business Management*, 2017, vol. 7, no. 5, pp. 604–613. <https://doi.org/10.4236/ajibm.2017.75045>
26. Ma H., Wu X., Yan L., Huang H., Wub H., Xiong J., Zhang J. Strategic Plan of Made in China 2025 and Its Implementations (with). In: *Analysing the Impacts of Industry 4.0 in Modern Business Environments*, 2018, pp. 1–23. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3468-6.ch001>
27. Mingfeng Y. Digital Globalization and Digital Sovereignty – From the Perspective of Germany and the European Union. *Foreign Social Sciences*, 2021, no. 5. Available at: <http://drc.hznet.com.cn/DRCNet.Mirror.Documents.Web/DocSummary.aspx?docid=6315301&leafid=3027> (accessed January 11, 2024) (in Chinese).
28. Romanovsky V. G., Abubekerova D. A. Human rights, cybersecurity, coun-terterrorism (practices in China). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* [Electronic scientific journal "Science. Society. State"], 2021, vol. 9, no. 3, pp. 57–67 (in Russian). <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-3-6>
29. On mandatory requirements in the Russian Federation. Federal Law 247-FZ of July 31, 2020. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5006 (in Russian).
30. Knutov A. V., Plaksin S. M., Sinyatullin R. Kh., Chaplinsky A. V. Regulatory guillotine in Russia and its quantitative results. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 4–27 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.4.27>
31. *Market capitalization of Uber (UBER)*. Available at: <https://companiesmarketcap.com/uber/marketcap/> (accessed January 11, 2024).
32. *Market capitalization of Gazprom (GAZP.ME)*. Available at: <https://companiesmarketcap.com/gazprom/marketcap/> (accessed January 11, 2024).
33. *Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii* [Shklyaruk M. S. (ed.) The State as a Platform: People and Technologies]. Moscow, RANEPА, 2019. 111 p. (in Russian).
34. *Data security law*. Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f99a788a.shtml> (accessed January 11, 2024) (in Chinese).
35. *The Digital Personal Data Protection Act*. Available at: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Digital_Personal_Data_Protection_Act_2023.pdf (accessed January 11, 2024).
36. *Data Protection and Digital Information Bill*. Available at: <https://bills.parliament.uk/bills/3430> (accessed January 11, 2024).
37. Averyanova N. N., Velieva D. S., Kapitonova E. A., Levakin I. V., Presnyakov M. V., Romanovskaya O. V., Romanovsky V. G., Romanovsky G. B., Sukhov E. V. *Prava cheloveka i bezopasnost' v sovremennom mire: gibridnye ugrozy i novye vyzovy* [Human rights and security in the modern world: Hybrid threats and new challenges]. Moscow, Prospekt, 2021. 152 p. EDN: QPDDNB

Поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 01.02.2024
 The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 01.02.2024